

Как известно, «на свете счастья нет, а есть покой и воля...» С этим трудно поспорить. Пожалуй, единственный бесспорный аргумент, способный опровергнуть эту философскую истину, — это та «частичка бытия», которая составляет незыблемый пласт нашей жизни, — хороший семейственный дом. Где живущему покойно и надёжно. Где чувствуешь себя в полном смысле слова — «как дома»

Татьяна Боронина живёт в замечательном доме, который смело можно назвать памятником архитектуры. Её квартира, безупречно стильная, насыщенная массой удивительных вещей, замечательно располагает к лёгкой необременительной беседе с бокалом хорошего вина. Например, о великолепной коллекции дагестанского серебра, которая составляет для хозяйки предмет законной гордости, или о необычной картине, висящей в спальне. Просто о жизни...

— За три года — а именно столько я живу в этой квартире — можно привыкнуть ко всему, что когда-то вызывало радость и восхищение. Я помню, с каким восторгом и воодушевлением приобреталась каждая мелочь, а сколько за этой мелочью приходилось бегать! Откровенно сказать, сам процесс поисков чего-то «архиприродного» и необычного был наиболее интересен, чем уже последующее приобретение того или иного предмета. Всё это напоминало захватывающие шпионские истории и детективы. В моей спальне висит картина Николая Мухина, настоящего академика живописи: он, например, среди прочих расписывал храм Христа Спасителя. Называется она «Торжественное одиночество». Написанная в спокойной, печальной манере, присущей только русской иконописной школе, она предназначалась для Третьяковской галереи. Не буду рассказывать, как мне удалось (чудом, видимо!) «перехватить» этот шедевр. Я обращаюсь к этой картине, когда мне

грустно и когда хорошо, каждый раз нахожу в ней поддержку, она помогает мне справиться с самой тяжёлой ситуацией. Раздвижную стеклянную дверь, соединяющую две комнаты с эркерами, некоторые мои знакомые называют «японской». Не возражаю, хотя у меня и в мыслях не было использовать в собственном интерьере восточные мотивы: к ним я полностью равнодушна. Шкафчик для посуды на кухне многие тоже считают «японским» — а я просто обожаю стекло. Кроме того, раздвижная дверь — вещь красивая и функциональная.

Однажды мой близкий друг, увидев новую люстру, которой я так гордилась, совершенно серьёзно спросил, сколько шлангов для душа я на неё извела? А я так гордилась, что

Татьяна Боронина:
«К хорошему
привыкаешь быстро»

Фото Михаила Степанова

одной из первых в Москве приобрела эту вещь! Сейчас смотрю на люстру совершенно равнодушно, чего не скажешь о моей коллекции серебряных украшений. Серебро я очень люблю. Безумно нравятся изделия дагестанских мастеров — я считаю, что равных им в мире нет.

Центром моей маленькой Вселенной я считаю наш обеденный стол. Не могу сказать почему, но в обстановке квартиры, которая давно стала привычной и банальной, обеденный стол вдруг воплотился в островок разрешения конфликтов, споров, маленькую площадь мира и взаимопонимания.

Татьяна Боронина права: ко всему привыкаешь быстро, особенно к хорошему. Но когда в доме есть картина, которой можно любоваться часами, делиться с ней своими бедами и радостями, когда есть стол, за которым собираются близкие люди, есть дорогие и любимые вещи, где всегда приготовлена комната для гостей, — это безусловное счастье, а к нему привыкнуть невозможно. ■

Текст АЛЛЫ ДУБРОВСКОЙ
Фото ЗИНУРА РАЗУТДИНОВА

Лёгкое дыхание

«И творчество, и чудотворство...»

Преимущества классики вообще и классической архитектуры в частности самоочевидны. Нет необходимости повторять известные истины о том, что главные достоинства непреходящей классичности—гармония, уравновешенность: пропорций и эмоций, линий и объёмов. Классика—не просто совокупность эстетических принципов. Классика материализует определённое видение мира, выражая его в понятиях мудрости, покоя и праздничной, броской красоты.

Театрализация в этом интерьере—основной «постановочный» приём для решения интерьерных задач. История квартиры оказалась длинной—и началась ещё до встречи с архитекторами. Купив квартиру, заказчики тщательно продумали функциональное назначение каждой комнаты и определили «адрес» каждого предмета мебели из числа семейных реликвий. В течение целого года архитектор и хозяева тщательно прорабатывали возможные варианты. В итоге создано столь органичное и комфортное пространство, что даже человек с иными стилевыми пристрастиями не может не оценить результат.

Разделение квартиры на две зоны—парадную и приватную—определило особенности образного решения. Первая выстроена в духе классического театра, вторая—в более современном ключе.

Сквозная перспектива прихожей, холла, гостиной и кабинета напоминает декорации палладианского театра. Однако это не монотонная анфилада—сама конфигурация несущих стен уже исключила возможность подсобного эффекта. С порога разворачиваются вариации на классическую тему. Центральный композиционный акцент—две колонны и тщательно разработанный фриз. Они торжественно знаменуют вход в самую нарядную комнату. Мотив прямоугольного проёма—окна и «зеркала» многократно повторён в архитектуре и декоре стен. Благодаря ему отдельно стоящие шкафы и приобретают сценический, театральный статус. Членение плоскостей стен удачно камуфлирует более чем скромную высоту потолков. Ту же задачу решает вогнутый широкий карниз с тонкими профилировками, объединяющий стены и потолок гостиной. Подсветка, узор с пальметтами и позолота «облегчают» потолок, превращают его в воздушное кружево. Сияющая люстра (хрусталь—от Swarovsky), отражаясь в зеркале потолка, «удваивает» высоту.

Гостиная состоит из четырёх зон. Предметы обстановки, единство декора, цветовая гамма делают тем не менее это зонированное пространство целостным, не дробным. Уравновешенное сочетание прямых и изогнутых линий характерно для всех помещений. Так, многократно повторённый мотив круга (столы, светильники, напольная мозаика и т. д.) смягчает классическую строгость. Нюансы цветовой палитры, построенной на сочетании оттенков оливкового и коричневого с белым

и позолотой, наполняют дом настроением необычайной праздничности и лёгкости.

Театрализация нигде не становится самодовлеющим принципом. Так, нестандартная планировка приватной зоны демонстрирует интересные ракурсы, однако главная задача была чисто функциональной: путь от входной двери не «упирается» в кровать, движение по комнатам осуществляется по прямолинейным, «свободным» траекториям.

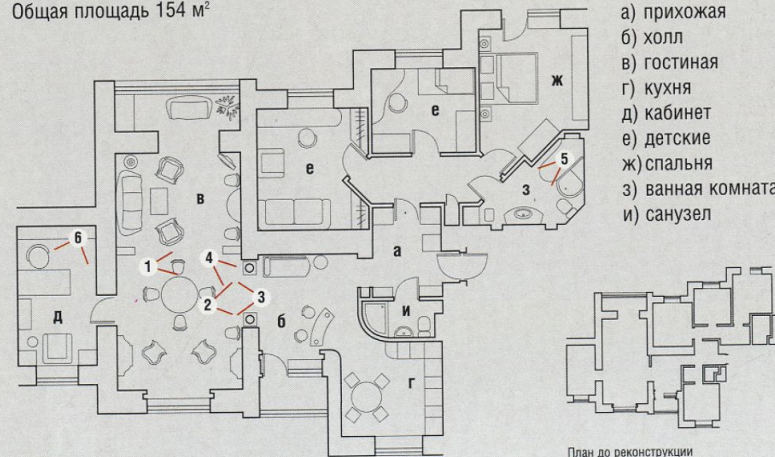
Кроме торжественных, выдержанных временем театрально-декораторских приёмов, в квартире немало эффектных и очень удобных «уловок» другого рода. Например, благодаря специальным «карманам» внутри стен, портьеры, словно раздвигающиеся за кулисы, настраивают на ожидание сценического «действия». И действительно, за занавесом в гостиной обнаруживается... уютный светлый уголок, обустроенный на бывшей лоджии.

Настояния хозяев относительно семейных реликвий также были удовлетворены. И хотя архитекторы до последнего момента сомневались, уместен ли будет в центре гостиной простоватый старый столик, ответ всё же был найден: его украсили позолотой (как и пару старых шкафов) и привели в должный вид: скромный ветеран преобразился в импозантного денди. Для фамильного китайского фарфора также нашлось почётное место—в кабинетном шкафчике—секретере, за стеклянными дверцами.

Классический декор столь же изыскан, как и живописные пейзажи (1)

Авторы **Татьяна Боронина, Алик Медзмаришвили**
Архитекторы **Надежда Неслуховская, Анна Жарова, Лариса Савельева**
Росписи и изделия из гипса «Мастерская красивых предметов»
Мозаичные полы **Егор Силантьев&Со**

Общая площадь 154 м²

Строгой торжественности входной зоны вторит «архитектура малых форм». За барной стойкой— вход на кухню (2)

Главные акценты центральной оси—троекратно повторённый мотив круга в центре гостиной, далее—перспектива кабинета (3)

Нарядные колонны и фриз из искусственного мрамора, вручную выложенная каменная мозаика—прямые цитаты из античности (4)

Главное украшение ванной комнаты—
раковина на изящных консолях, с полочкой,
которая напоминает «ракушечный» узор (5)

Аскетичность кабинета
смягчает изящная проработка деталей
и необычный секретер-витрина (6)